

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Сабашникова Маргарита

(1882–1973)

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой.

Максимилиан Волошин

«Дочь преуспевающего чаеоторговца, эта молодая дама носила известную в России фамилию: Сабашникова, – рассказывает Руслан Киреев. – Двоюродные дяди ее, Михаил и Сергей, были основателями издательства, завоевавшего быстрый и высокий авторитет. В числе авторов его был и Волошин — поэт, художник, литературный критик, переводчик... А еще — неутомимый путешественник, пешком исходивший пол-Европы. “Для того, чтобы вполне узнать страну, – утверждал он, – необходимо ощупать ее вдоль и поперек подошвами собственных сапог”.

Особенно много подошв стер он на мостовых Парижа — города, который обожал и который знал как свои пять пальцев». Сюда же приехала под присмотром тети молодая незамужняя красавица Маргарита Сабашникова, занимавшаяся живописью и иконописью. Волошин тотчас взял ее под свое покровительство. «Каждое утро, – вспоминала впоследствии Маргарита Васильевна, – являлся Макс Волошин и водил меня в музеи, церкви, в мастерские художников...»

Об этой паре оставила свои воспоминания литератор Евгения Герцык:

«Пышноволосяй, задыхающийся в речи от спешки все рассказать, все показать, все воспринять. А рядом с ним тоненькая девушка с древним лицом брезгливо отмечает и одно и другое, сквозь все ищет единого пути и ожидающим и требующим взглядом смотрит на него...»

Я ждал страданья столько лет
Всей цельностью несознанного счастья.
И боль пришла, как тихий синий свет,
И обвилась вокруг сердца, как запястье.

Эти стихи открывают цикл, латинское название которого переводится на русский язык как «Святая горечь любви». С полным правом его можно назвать «сабашниковским» циклом — это признавал и сам поэт. «Все, что я написал за последние два года, все было только обращением к Маргарите Васильевне».

Я вся — тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского...

Решение выйти за Макса Маргарита приняла, не посоветовавшись с родителями, и больше всего опасалась гнева матери. 12 апреля 1906 года Маргарита Сабашникова и Максимилиан Волошин обвенчались в Москве в церкви Св. Власия и через два дня уехали в Париж.

Интересное свидетельство об этой паре оставила Марина Цветаева. Со слов матери поэта она писала: «Макс тогда только что женился, и вот приезжает в Коктебель с Маргаритой, а у нас жила одна дама с маленькой девочкой. Сидим все, обедаем. Девочка смотрела, смотрела на молодых... и громко шепнула матери: “Мама! Почему эта царевна вышла замуж за этого дворника?”»

«Не царевич я!» – признавался Волошин в одном из посвященных Маргарите стихотворений.

Вернувшись из продолжительного свадебного путешествия и летнего отдыха в Коктебеле, супруги Волошины поселились в Петербурге на Таврической улице. Это был дом, который хорошо знала вся столичная художественная элита. В историю русской культуры он вошел как Башня поэта-символиста Вячеслава Иванова, жившего с женой на последнем этаже. По средам в Башне собирались актеры и философы, музыканты и художники. Тут бывали Комиссаржевская, Мейерхольд, Бердяев... Попасть на «ивановские» среды считалось большой честью. Но если большинству гостей приходилось съезжаться для этого со всех концов огромного города, то Волошины просто поднимались этажом выше.

«Она, как и мы, пришла сюда из патриархального уюта, – вспоминала о Маргарите Е. Герцык, – еще девочкой-гимназисткой мучилась смыслом жизни, тосковала о Боге и, как мы, чужда пошиба декадентских кружков; наперекор модным хитонам, ходила чуть ли не в английских блузках с высоким воротничком. И все же я не zapomню другой современницы своей, в которой так полно бы выразилась и утонченность старой расы, и отрыв от всякого быта, и томление по необычно прекрасному... Старость ее крови с Востока: отец из семьи сибирских золотопромышленников, породнившихся со старейшиной бурятского племени. Разрез глаз, линии немножко странного лица Маргаритиногo будто размечены кисточкой старого китайского мастера...» «Дивная у меня появилась подруга: Сабашникова, художница, талантливая портретистка. Она жена Волошина; странное, поэтическое, таинственное существо пленительной наружности. Она пришла писать мой портрет, и тоже в красном и оранжевом...» – сообщила своей приятельнице Лидия, жена Вяч. Иванова. А сам Вячеслав вел с Маргаритой длинные беседы — о поэзии, о религии, о культуре; учил ее греческому языку и законам стихосложения.

«Хозяин знаменитой Башни встал между супругами, доверчиво приютившимися у ее подножия, – констатирует Руслан Киреев, – и отстранить его — либо обойти — они не сумели».

Иванов написал «Золотые завесы» — шестнадцать сонетов, в самих созвучиях которых было зашифровано имя Маргариты. Куда было этим тяжеловесным и заумным плетениям словес до стихотворений Волошина!

Таинственная светится рука
В девических твоих и вещих грезах,
Где птицы солнца на янтарных лозах
Пьют гроздий сок, примчась издалека.

И тени белых конниц — облака —
Томят лазурь в неразрешенных грозах,
И пчелы полдня зыблются на розах
Тобой не доплетенного венка...

Вскоре в альманахе «Цветник Ор» впервые появились и стихи Маргариты:

От меня ты слова хочешь, мой лесной двойник?
Ты к моей душе душою, как к ключу приник!
Жалит зовом взор горящий, — голос скован мой...
Кто здесь темный? Кто здесь зрящий? Вещий и немой,

«Скоро мне стало ясно, что Вячеслав меня любит, – вспоминала Сабашникова. – Я сказала об этом Лидии, прибавив: “Я должна уехать”. Лидия же в этой истории повела себя довольно необычно. Никаких сцен ревности, никаких упреков. “Ты должна выбирать, – якобы сказала она, – ты любишь Вячеслава, а не его”. “Да, – подтверждала Сабашникова, – я любила Вячеслава, но эта любовь была такова, что я не понимала — почему Макс должен быть из нее исключен”».

«Мне обидно и больно, как ребенку, что меня не встретили, меня не ждали, – откровенничал Волошин в дневнике. – Мне хотелось бы видеть только ее, говорить только

о ней... Милая моя девочка, милая зайка. Я сам должен толкнуть ее к окончательному шагу».

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.

(М. Волошин)

Маргарита время от времени виделась с оставленным мужем, бывала у него в Коктебеле — чего стесняться, когда свои люди?

...Ее отношения с Ивановым не сложились. Овдовев, он женился все-таки не на Маргарите Васильевне, а на своей падчерице, напоминавшей ему покойную жену. А Сабашникова пошла по жизни одна. Как и следовало ожидать. «Все было возвышенно, но все — мимо жизни», — весьма точно сказала о ней Е. Герцык.

Во время Первой мировой войны Маргарита Васильевна жила в Швейцарии, а после Февральской революции вернулась в Россию. В Германию она уехала в конце 1922 года, занималась там религиозной и светской живописью. Ее стихи, написанные под влиянием увлечения Вячеславом Ивановым и его теорией дионисийства, были опубликованы в одном из альманахов. В 1913 году вышла книга Сабашниковой «Святой Серафим», представляющая популярное изложение биографии знаменитого русского святого, деяния которого послужили основой для одноименной поэмы М. Волошина.

Мемуарной книге Маргариты Васильевны предпослан эпиграф из Гете:

«Я видела Королей и говорила с ними... Я слышала великие слова...»

Что ж, этой женщине повезло: не каждая может сказать о себе подобное...